

ИМЕНИ КАЧАЛОВА

МОСКВИЧИ не впервые встречаются с Казанским большим драматическим именем Качалова русским театром. Значение вышедших его гастролей выходило за пределы декады татарского искусства, к которой был приурочен его приезд. Казанский драматический театр — это полтора века истории, это высокая сценическая традиция, это жизнь и работа в «театральном» городе, где обитает зритель требовательный и пристрастный. Это — специфика братской республики, где идет непосредственный и плодотворный процесс взаимоприближения двух национальных культур. Словом, это один из крупнейших периферийных театров, в третий раз посетивший нашу столицу. Такая встреча сулила много знаменательного.

И действительно, казанцы показали в Москве пять спектаклей, свидетельствующих, что театр достаточно требователен в выборе своего репертуара. Самое дорогое в обличье казанских спектаклей — это отсутствие академической завершенности, той «провинциальной маститости», которая, что греха таить, иногда проглядывает со сцены в наших больших театрах. Главное в стиле театра — ясность мысли, рельефность рисунка, энергия. «Да» и «нет» Казанского театра отчетливы, его любовь и ненависть наглядны. Театр владеет секретом доходчивости, его контакт со зрительным залом налаживается сразу... Но довольно ли этого? Да, хорошо, когда мысль энергично выражена, когда ей последовательно подчинен весь спектакль. Но жалко, что отнюдь не всегда эта мысль поднимается до высот обобщения, до философски окрашенных размышлений о жизни. Хорошо, что театр активен в своем отношении к образам. Но не теряются ли подчас в этом прямолинейном повествовании сложность и неповторимость

жизни с ее удивительными контрастами, со всем богатством внутренних ходов? Да, ясное слово дорого, но бела, когда ясное граничит с простейшим, когда театр подпадает к делу, слишком уж вне мудрствуя лукаво.

Пожалуй, наиболее типичен для театра «Царь Федор Иоаннович», поставленный режиссером Л. Литвиновым. Спектакль счастливо избежал нередкой в исторической драме неповоротливости, тяжеловесности. Написанное на холсте убранство царских палат не подавляет свою роскошью, пудровые щиты и высокие шапки бояр не скрывают живого движения лиц, омерзность отсутствует, действие мчится стремительно, в нем ошутимо дышанье событий. Театр не слишком вынужден к тому, в чем уязвимость исторической позиции Годунова, в чем правда и неправда Шуйских, не выступает арбитром в спор сторон. Ему важно другое: в ожесточенности боярской распри разоряется и гибнет русское государство, беспричинно страдает народ. Трагедия слабого духом правителя, столь рельефно прослеженная у Толстого, обретает в спектакле иной оттенок: Федор не царь, потому что он далек от корыстной игры интересов. Сочувствие народу и оторванность от народа — вот в чем трагическая вина Федора: народный взгляд на веда и неумение править в интересах народа — вот где его ахилесова пятая.

Хорошо, самообытно, понятно, доходчиво! И все же думать: если бы у казанцев было все то же самое, та же мысль, тот же действенный ход, — во все это было бы подумчивее, побогае!

Подобное чувство всплывает и на дру-

гих казанских спектаклях. Интересно решен «Старик» в постановке главного режиссера театра Э. Бейбутова. Но философская драма Горького не прозвучала у казанцев философски, спор с Достоевским в спектакле не состоялся. И даже в «Матери своих детей», спектакле, душевно и с огоньком поставленном И. Петровским, где добрая в лукава материнская интонация героини пьесы Лагутиной как бы становится интонацией театра, есть валет орлянского и даже штампованного.

Общаясь в репертуаре театра стоит «Юность Буревестника» М. Елизаровой. Понятию стремление коллектива создать спектакль о молодом Горьком, прохлявшем свои «университеты» в Казани, но думаемая, что в этом случае театр пошел по неверному пути. Когда мы говорим о Горьком «буревестник», мы имеем в виду не только его непосредственную революционную деятельность, но и замечательную способность возмещать зрело революции в своих произведениях. На сцене же — не слишком то удачный образец «историко-революционного» жанра, где рассказано о том, как Горький выполнял поручения чадопольщиков и развивал нелегальную литературу и где непоморное место уделено минутам душевной слабости Горького, времени охватывавшей его «зубной» боли в сердце.

Казанский театр принадлежит к числу сильнейших на территории по актерскому составу. Здесь царствует строгий реалистический ансамбль, на фоне которого еще более впечатляют великолепные актерские вклеты, — а они во всех спектаклях есть.

Разумеется, в первую очередь хочется говорить о Н. Якушенко, по праву лидирующем в сегодняшнем репертуаре театра. Актеру доступно все: и драма, и комедия, и характерность, и лирика, и непосредственность. В «Старике» Якушенко создает образ сложной, лишенный надрива и дурной достоянщины. Не упоение страданиями, а искаженную душу настрадавшегося видим мы на сцене театра. В то же время это — горьковский характер, полный озорства, жизнелюбия, даже ерничества.

И в «Фелоре Иоанновиче» Якушенко играет неослабно. Нет здесь ни расслабленности, ни религиозного экстаза, ни нервной завыченности «последнего» в роле. Стремительные движения, откровенность внутреннего отзыва на все события мира, непосредственность, чистота — такой облик этого «царя-мужика», «А что ж с землей будет?» — вот в чем забота этого Федора, вот о чем постоянно болит его душа.

Подлинно народен образ Лагутиной, созданный Е. Жилиной в спектакле «Мать своих детей». За немногословностью этой женщины скрываются сердце горячее и любвеобильное, стойкость человека драственного, подлинный талант строителя жизни. Есть что-то от горьковской Няловны в ее спокойной мудрости, в ее часто-горьковском свойстве выпрямлять, выводить на хорошую дорогу людей.

Наконец, девица Е. Лисецкой («Старик»), существо удивительное и странное, забитое и полное познни, с душой вежной, как полураспустившийся цветок. В глухом недоедании девицы к богатым обитателям мастаковского дома кроется начало социального. Угрюмо сторонится она окружающим, бродит всюду, как тень. Но вот приманил, пригубил девицу кудрявый псынок Мастакова, и мы увидели, что она — красавица, что под клубком волосенки, странница скрывается, проглядывает прекрасная, быть может, человеческий материал.

Есть и другие удача в спектаклях Казанского театра. К ним, бесспорно, принадлежит мужественный образ Мусы Джалиля, созданный Н. Провоторовым, хорошо проявившим себя и в ряде других ролей. Заслуживает уважения смелость театра, поручившего ответственную роль Горького молодому дебютанту Е. Кузину. Интересно отдельные работы В. Титовой М. Шейнина, Г. Гиматинова, В. Павловой и других.

Да, и силы есть, а таланты есть. Остается только пожелать, чтобы Казанский русский театр прибавил к внешним своим достоинствам более многосторонний взгляд на события и образы, им создаваемые, чтобы более оправдано было начертанное на его вышке имя В. И. Качалова, актера-философа, ярчайшего представителя театра психологически углубленного, интеллектуального.

З. ВЛАДИМИРОВА